

Голова Фан Синьгу на мгновение пошла кругом, но он быстро пришёл в себя. Во-первых, съёмочная группа не могла быть настолько безответственной, а во-вторых, в каюте был только его багаж, так что вариант совместного проживания исключался.

Тем временем Цзин Итун, стоявший на балконе, огляделся по сторонам и быстро сообразил, в чём дело. Он постучал по стеклянной двери и поманил собеседника пальцем. Тот открыл дверь и вышел наружу.

Балкон оказался гораздо больше, чем он себе представлял, даже неестественно большим. Юноша нахмурился, осмотрелся и увидел, что пространство соединялось с двумя раздвижными стеклянными дверями.

— Так у нас... общий балкон на две каюты? — неуверенно спросил он.

— Похоже на то, — пожал плечами Цзин Итун. — Я вышел всего на несколько секунд раньше тебя, засмотрелся на море и даже не заметил, что у этого балкона есть такой секрет.

Фан Синьгу поднял голову и осмотрел конструкцию. На стене посередине виднелись следы ржавчины.

— Здесь, наверное, раньше была перегородка, — предположил он. — Возможно, её временно убрали.

— Вот оно что, — догадался Цзин Итун. — Неудивительно, что Брат Ян, когда давал мне карту-ключ, сказал, что с каютами 608 и 609 есть одна особенность.

Сказав это, киноимператор стал внимательно наблюдать за реакцией друга. Тот по-прежнему был холоден и непроницаем.

— Если тебе это не нравится, можешь поменять каюту, — осторожно предложил Цзин Итун.

Фан Синьгу потёр затылок и покачал головой.

— Не стоит.

Съёмочная группа, чтобы избежать шума, который мог бы помешать другим пассажирам, разместила всех участников рядом для удобства съёмок. Если сейчас менять жильё, придётся переезжать на другую палубу, что создаст неудобства для всех.

К тому же, это всего лишь общий балкон с Цзин Итуном. Ничего страшного.

Мужчина улыбнулся. Заметив, что Фан Синьгу разминает шею, он с беспокойством спросил:

— Шея болит? Я заметил, ты последние два дня постоянно её трёшь.

— А? — молодой человек не ожидал, что тот обратит внимание на такую мелочь, и удивлённо убрал руку. — Ох, в отеле подушка была слишком высокая, вот шея и затекла.

Фан Синьгу был очень привередлив в выборе постельных принадлежностей. Если позволяли условия, он всегда брал свои вещи в поездки.

Но в этот раз, собрав чемоданы перед съёмками, он обнаружил, что они набиты до отказа, и места для подушки просто не осталось. После долгих колебаний он скрепя сердце оставил её дома. Последние несколько дней юноша спал вообще без неё, отчего теперь у него ужасно болела шея.

Услышав это, Цзин Итун вдруг хлопнул себя по лбу, словно что-то вспомнил.

— Кстати, об этом.

— М?

— Я забыл кое-что очень важное.

Он постучал себя по голове, затащил Фан Синьгу в свою каюту и достал из чемодана до боли знакомый предмет.

Рот юноши изумлённо приоткрылся.

— Как моя подушка оказалась у тебя?

Цзин Итун сдавленно рассмеялся и протянул её владельцу.

— Несколько дней назад я был в Цзянчэне. Твоя бабушка сказала, что ты перед отъездом жаловался, что она не влезает в чемодан, и спросила, не мог бы я её захватить. У меня как раз было немного места.

Фан Синьгу ошеломлённо обнимал свою любимую вещь в вакуумной упаковке. Голова была в тумане, но он ухватился за ключевую деталь:

— Моя бабушка тоже знает, что ты участвуешь в этом шоу со мной?

Цзин Итун ахнул. Проговорился.

— Мы с ней болтали, и я случайно упомянул, — скрепя сердце, объяснил он.

Собеседник посмотрел на него.

— А ты не говорил, что съёмочная группа требовала соблюдать конфиденциальность? Только от меня, а от неё — нет?

Киноимператор понял, что оправдываться бесполезно, и, сложив руки в молитвенном жесте, униженно попросил:

— Учитель Фан, умоляю, простите меня на этот раз.

Фан Синьгу прищурился, перечисляя его прегрешения:

— Ещё и вещь мою утаил. Отдал только сейчас, из-за тебя у меня шея болит.

Цзин Итун, не найдя что возразить, решил действовать. Он развернул юношу и подтолкнул его в сторону 608-й каюты, идя следом и бормоча:

— Я правда забыл. Я этот чемодан за все дни ни разу не открывал. Ваше великодушие не знает границ, так простите же меня.

Тот вовсе не злился. Воспользовавшись тем, что стоящий сзади спутник не видит его лица, Фан Синьгу даже позволил себе беззастенчиво улыбнуться.

— Ладно. Даже если бы ты отдал её раньше, у меня всё равно не было места в чемодане. Не носить же её в руках.

— Вот именно, — подхватил Цзин Итун. — Я ещё и руки тебе освободил.

Они пересекли балкон и вернулись в номер Фан Синьгу. Юноша вскрыл вакуумный пакет, достал подушку и пару раз встряхнул её. Наполнившись воздухом, она снова стала пышной. Он бросил её прямо в центр большой кровати.

Цзин Итун убрал две стандартные подушки в шкаф.

— Эти я уберу сюда.

— Хорошо.

Едва они закончили, как в дверь постучали. Оба замерли и одновременно повернулись к выходу. В следующую секунду из-за двери раздался голос Мэн Хуэй:

— Синьгу, ты там? Съёмочная группа пришла.

Оба замолчали. Фан Синьгу даже дышать перестал: неужели снаружи слышали голос Цзин Итуна?

Хозяин комнаты вскочил со стула, схватил мужчину за руку и потащил на балкон. Цзин Итун, с трудом сдерживая смех, старался двигаться как можно тише и, уходя, не забыл заботливо прикрыть за собой дверь.

Фан Синьгу с облегчением выдохнул. Он уже собирался пойти открыть Мэн Хуэй, но на полпути резко развернулся и в панике задёрнул шторы.

Сделав всё это, он вдруг опомнился.

«Что за цирк? Словно они с Цзин Итуном занимаются чем-то противозаконным, что нужно скрывать от всех»

Он глубоко вздохнул, отбросил эти бессмысленные мысли и рывком открыл дверь.

За порогом стояло человек десять, включая остальных пятерых участников. Камеры были направлены прямо на его каюту, и юноша невольно порадовался, каким же мудрым было решение спрятать гостя и задёрнуть шторы.

Мэн Хуэй указала на камеру в своих руках.

— Я включаю прямой эфир.

— Хорошо.

Это был их первый день на пути в Антарктиду, и съёмочная группа, естественно, запланировала прямой эфир. Сегодня ведущей была Сестра Хуэй. Фан Синьгу знал об этом заранее и догадывался, что съёмка в каютах будет транслироваться онлайн, поэтому он невозмутимо помахал рукой в объектив.

— Всем привет.

В тот момент, когда он появился в кадре, экран мгновенно заполнился плотным потоком комментариев.

Молодой человек обменялся парой фраз со зрителями и отошёл в сторону, пропуская съёмочную группу. Ли Вэньюй, заглянув в помещение, спросила:

— Ты что, красавицу в своей золотой клетке прячешь? Почему так долго открывал?

«Золотая клетка с красавицей? Пожалуй, это было недалеко от истины»

Но при мысли о том, чтобы поставить знак равенства между «красавицей» и Цзин Итуном, Фан Синьгу стало и нелепо, и смешно. На его губах появилась подозрительная улыбка.

Он с усилием взял себя в руки и беззастенчиво соврал:

— Я разбираю чемодан.

Ло Да хлопнул себя по бедру.

— Ох, ещё не закончил? Мы хотели снять распаковку. Это идея сестры Хуэй — показать самую необычную и полезную вещь из твоего багажа.

Фан Синьгу задумался.

— У меня, кажется, нет ничего особенного...

Он мысленно перебрал содержимое своих вещей и через мгновение нашёл подходящий вариант. Он открыл один из чемоданов и достал чёрный мешок. Что было внутри, оставалось загадкой, но, судя по движениям юноши, он был довольно тяжёлым.

Остальным стало любопытно, и они столпились вокруг. Мэн Хуэй, не забывая о зрителях, направила камеру прямо на мешок. В следующую секунду Фан Синьгу открыл его, и на свет появились многочисленные банки с чем-то ярко-красным.

Ван Пэйян на мгновение замер, прежде чем догадался:

— Острый соус?

Фан Синьгу выставил банки на всеобщее обозрение. Оказалось, там был не только острый соус, но и соус для риса, лапша быстрого приготовления и различные закуски.

Остальные посмотрели на него с непередаваемым выражением. Сам он не видел в этом ничего странного, но под их взглядами почувствовал себя немного неловко.

— Можно страдать от чего угодно, но только не от голода, — попытался он оправдаться.

Ло Да посмотрел на этот набор простой, земной еды, затем на утончённое, словно не от мира сего, лицо собеседника и покачал головой.

— Никогда бы не подумал, что ты ешь такое.

Фан Синьгу бросил на него странный взгляд.

«Что ты несёшь?»

В чате прямого эфира уже вовсю смеялись:

[Ха-ха-ха, вот это по-нашему! Всё, что я люблю!]

[Я не могу, Фан Синьгу точно жил за границей]

[Кто понимает, какое это спасение для студента, тот поймёт [слёзы]]

Мэн Хуэй удивилась:

— Синьгу, ты же из Цзянчэна, а вкусы у тебя довольно острые. Голос не бережёшь?

— Я обычно такое не ем. Просто подумал, что на «Аффогато» будет только западная кухня. Пару раз поесть можно, но десять дней подряд я бы не выдержал.

Ли Вэньюй своим острым взглядом заметила в углу чемодана небольшой мешочек с рисом.

— Но не до такой же степени, чтобы везти с собой рис! — воскликнула она. — Ты что, собираешься сам готовить?

Фан Синьгу смерил её усталым взглядом и шлёпнул мешочек перед ней.

— Тут и курицу не накормишь.

— Тогда зачем ты его притащил? — не унималась Ли Вэньюй.

— Угадай.

Пока они спорили, от двери донёлся голос:

— Я смотрю, у вас тут весело, уже снимаете. О чём болтаете?

Это был только что изгнанный Цзин Итун, который вернулся, на этот раз через парадную дверь, и вёл себя совершенно раскованно. Он даже вызывающе подмигнул Фан Синьгу.

— Обсуждаем, зачем Синьгу притащил с собой горсть риса, — ответила Лян Цзиянь.

Мужчина небрежно прислонился к дверному косяку. Несмотря на расслабленную позу, благодаря высокому росту и прекрасной осанке он не выглядел ленивым, а наоборот, источал ауру уверенного в себе аристократа.

Он задумчиво потёр подбородок и ответил:

— В некоторых местах есть такой обычай. Люди, отправляясь в дальний путь, берут с собой горсть риса из дома. Говорят, если начнётся акклиматизация, нужно понюхать этот рис, и станет легче.

— Никогда о таком не слышал. Ты знаешь даже такие редкие обычаи? — Ло Да повернулся к Фан Синьгу. — Синьгу, ты это имел в виду?

Все взгляды устремились на юношу. Он почувствовал себя как под прицелом и, сглотнув, честно кивнул:

— Да.

— Учитель Цзин, кажется, из Шэня? — предположила Лян Цзиянь. — Шэнь ведь недалеко от Цзянчэна, может, у них похожие обычаи?

Тот хотел было объяснить, что он родом из Цзянчэна, но, поймав испепеляющий взгляд Фан Синьгу, тут же послушно замолчал и лишь улыбнулся в ответ.

Но если он молчал, то за него ответили другие.

— А? — удивился Ван Пэйян. — Я почему-то думал, что Брат Цзин из Цзянчэна.

Фан Синьгу:

— ?

Цзин Итун повернул голову к нему и вскинул бровь: на этот раз это не я сказал.

Заметив странное выражение на лицах молодых людей, Ван Пэйян замялся.

— А, я что, ошибся? Сейчас проверю.

С этими словами он быстро достал телефон, что-то поискал и виновато произнёс:

— Ой, точно, я ошибся. Брат Цзин родом из Цзянчэна, район Лушуй... А? Брат Синьгу ведь тоже из района Лушуй?

Фан Синьгу:

— ...

<http://bllate.org/book/13481/1691710>